

Она услышала знакомый голос Вашего Величества, но обращался он не к ней:

— Ванъэр.

Шангуань Ванъэр вновь приблизилась и, опустившись на одно колено перед ложем, изящно подняла руки, сложив ладони. Вэй Хуань уловила лёгкий шорох, и взгляд её упал на золотистый подол юбки, расшитой облаками и журавлями, свесившийся с ложа. Из-под подола показался носок в шёлковом чулке, коснувшийся парчовой туфельки на высокой платформе. Ванъэр тут же склонилась ниц, надела туфельки на обе ноги, а затем поднялась и, согнувшись, вероятно, помогла подняться хозяйке ложа — нынешней Тяньхоу.

Тяньхоу, кажется, что-то сказала, и Ванъэр удалилась. Спустя мгновение слуги внесли курительницу. Ванъэр усадила Тяньхоу на неё, а сама отступила в сторону и произнесла:

— Поднимись.

Вэй Хуань на миг остолбенела, но затем поняла, что обращаются к ней, и медленно поднялась. На полпути Тяньхоу вдруг протянула руку и, вцепившись ей в подбородок, резко задрала её лицо вверх. Вэй Хуань растерялась: продолжать вставать или снова опуститься на колени? Застыв в неловком полуприседе, она увидела, как Тяньхоу убрала руку на колено и лениво проговорила:

— Полгода во дворце — и выглядишь уже посвежее, чем прежде.

Вэй Хуань не знала, что ответить, и лишь опустила голову, сложив руки, безмолвствуя. Она ожидала, что Шангуань Ванъэр, как приближённая особа, тотчас же подхватит разговор — подобно той Вэй Туаньэр. Однако в покоях воцарилась тишина. Тяньхоу, казалось, заскучала, слегка склонила голову и спросила:

— Ванъэр, как полагаешь?

Только тогда Шангуань Ванъэр сделала шаг вперёд, окинула Вэй Хуань внимательным взглядом с ног до головы, повернулась к Тяньхоу и ответила:

— Ваше Величество, кажется, она побелела и похудела.

Тяньхоу усмехнулась:

— На фоне тебя — вряд ли.

Шангуань Ванъэр уже открыла было рот, но Тяньхоу слегка подняла руку, и та тотчас умолкла, вновь отступив в сторону. Тяньхоу, словно лишь сейчас вспомнив, что Вэй Хуань — живой человек, слегка приподняла подбородок и бесстрастно изрекла:

— Говори. Что произошло в тот день?

С того момента, как Вэй Хуань переступила порог этих покоев, она лихорадочно обдумывала ответ, но к этому мгновению так и не выработала твёрдой линии. Услышав вопрос, она осторожно начала:

— В тот день принцесса испугалась лошади...

— Я не об этом, — отрезала Тяньхоу, наклонившись вперёд и устремив на неё прямой взгляд.

Вэй Хуань всегда полагала, что истинное величие проявляется лишь тогда, когда смотришь на кого-то свысока. Но под этим взглядом Тяньхоу она поняла, что такое подлинная, не нуждающаяся в позах властность. Медлить было нельзя, и она тихо произнесла:

— В тот день один из внутренних слуг, ложно заявив, что меня требует принцесса, повёл меня в охотничий парк. Я заподозрила неладное и остановилась на полпути, между нами завязался спор, во время которого он был сражён тайной стрелой. Я заметила Чжоу-гогуна неподалёку с луком в руках и, заподозрив, что убийца — он, бежала. Я намеревалась сначала доложить принцессе, а уже затем — Вашему Величеству, но вновь столкнулась с Чжоу-гогуном, который вступил в пререкания с принцессой. Лошадь принцессы понесла, и я, не помня себя от тревоги, схватила коня и бросилась в погоню. Последующее Вашему Величеству уже ведомо.

Тяньхоу усмехнулась холодно:

— Искусно сказано: «лошадь испугалась». С чего бы это доброй армейской лошади вдруг испугаться? Что ты совершила до того, почему умалчиваешь?

Вэй Хуань, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие, ответила:

— Тогда я опасалась, будто Чжоу-гогун что-то замышляет, и он находился в опасной близости от принцессы, потому-то я и выпустила стрелу. То, что случилось после, — не было моим желанием.

Голос Тяньхоу внезапно стал ледяным:

— Выпуская стрелу, ты не подумала, что можешь испугать лошадь принцессы?

Вэй Хуань, сжимая вспотевшие ладони, подняла голову и прямо посмотрела на Тяньхоу:

— Нет. Но даже если бы всё повторилось вновь, полагаю, я поступила бы так же.

Лишь подняв взгляд, она разглядела, что лицо Тяньхоу не выражало ни гнева, ни милости, лишь в глазах её мерцала пугающая, неумолимая холодность. Глядя на неё, трудно было поверить, что эта безмятежная Тяньхоу и та вспыльчивая, то смеющаяся, то гневающаяся мать, что предстала перед Тайпин, — одно и то же лицо.

Тяньхоу, похоже, не ожидала такого ответа. Она приподняла бровь, и во взгляде её мелькнул интерес. Вэй Хуань, собрав всю свою решимость, чётко и громко произнесла:

— Чжоу-гогун не единожды пытался надругаться над принцессой. Сие ведомо немногим, но я, как её ближняя служанка, знаю о сём совершенно точно. Нрав его необуздан, он попирает законы и приличия. В былые годы, даже будучи окружён толпой слуг, он осмеливался посягнуть на наследного принца. Ныне же, возмужав и вступив в спор с принцессой, кто поручится, что он не учинит чего в её колеснице? Тем паче, что до встречи с принцессой Чжоу-гогун уже был замечен в самовольном проникновении в запретные сады и заподозрен в убийстве дворцового слуги. Принцесса юна, и при ней не было ближних служанок. Если бы дело приняло дурной оборот, впопыхах она могла и не суметь себя защитить. Я, будучи глупа, не ведала, как в таких обстоятельствах, не причинив вреда ни принцессе, ни Чжоу-гогуну, подать сигнал тревоги окружающим, кроме как выстрелом в его коня, дабы лишить его опоры. Что до испуга лошади принцессы — сие не было моим желанием, но проистекло из искренней заботы и преданности.

Произнося эти слова, она чувствовала, как сердце её бешено колотится, но изо всех сил

старалась, чтобы взгляд оставался твёрдым и не бегал. Закончив речь, она ощутила, как силы покидают её, и поспешила склониться в почтительном поклоне. Лишь прижавшись лбом к полу, она почувствовала, как дрожь пробежала по всему телу, а на спине, где когда-то ей всыпали палками, заняла старая боль. Панический страх ещё не успел захлестнуть её с головой, как тяжёлый удар пришёлся по плечу:

— Тайпин — моя дочь. Заботиться о ней — моя обязанность. У Миньчжи — подобающий ему титул Чжоу-гогуна. Как он поступает — решит двор, а не тебе о нём судить!

Сила удара оказалась неожиданно велика. Вэй Хуань откинулась назад, но, стиснув зубы, вновь припала к земле и ударила челом:

— Я не дерзаю судить Чжоу-гогуна. Лишь недоумеваю: по обычаю, меж мужчиной и женщиной должно быть расстояние. Конь Чжоу-гогуна по праву должен был находиться в нескольких шагах от коня принцессы. Даже если бы он взбесился, как мог он задеть принцессину лошадь? При принцессе состояли два всадника-защитника, по левую и правую руку. Вместе с Чжоу-гогуном промеж ними не должно было быть просвета. Почему же оба всадника не смогли вовремя её прикрыть?

Вэй Хуань замерла под взглядом Тяньхоу. Государыня в порыве гнева наконец изменилась в лице: оно потемнело, глаза покраснели, а взгляд стал подобен раскалённому железу. Вэй Хуань, подавленная этим взглядом, заговорила менее уверенно:

— Ваше... Ваше Величество и само ведаёт сие, потому и пожаловало мне ездовую лошадь, дабы охранять принцессу, успокоить её приближённых и утешить малых сих, не так ли?

Глядя на лицо Государыни, Вэй Хуань подумала, что в следующий миг её выволокут и прикончат палками. Она пожалела о своей дерзости, но дело было сделано, и пути назад не оставалось. Неизвестно, обрушится ли гнев Государыни на её семью? Если кара постигнет остальных — это даже не страшно, это ещё удача. Но Ушэнжэнь совершенно невиновен.

«Больше нельзя, — подумала Вэй Хуань. — Сказанного и так достаточно. Продолжать — лишь навредить себе». Она в страхе сгорбила плечи, пытаясь скрыться, опустив голову, но подбородок её вновь стиснула рука. Тяньхоу поднялась, возвышаясь над ней.

В отличие от предыдущего раза, теперь взгляд Тяньхоу был полон свирепости, её глаза, словно отточенные лезвия, впились в Вэй Хуань, заставив её содрогнуться. Слёзы невольно хлынули из глаз, а из горла вырвалось:

— Ваше Величество, пощадите!

За всю свою жизнь, полную побоев, брани и унижений, потеряв мать и одну сестру, она никогда не испытывала такого ужаса. Рука, сжимавшая её подбородок, на самом деле не была такой уж сильной — по крайней мере, не сильнее, чем рука отца в гневе. Но в этой руке была заключена не только её собственная жизнь, но и жизнь её оставшегося в живых брата, и вся честь её покойных матери и сестры. О методах этой Государыни Тайпин никогда не слышала, но те, кто провёл во дворце достаточно лет, знали: отсечение головы — это милость. Забивание палками до смерти, истребление рода, «опьянение костями» или «волочение по бамбуку» — вот истинные средства расправы. Вэй Хуань не считала себя человеком несгибаемой воли. Что, если она и вправду разгневет Государыню до того, что та велит её казнить? И если так случится... вспомнит ли её Тайпин, решится ли она заступиться за неё?

— Ваше Величество, и Фэйлун, и та лошадь, на которой в тот день ехала принцесса, уже

казнены на месте, — своевременно произнесла сбоку Шангуань Цайжэнь.

Тяньхоу холодно взглянула на Шангуань Цайжэнь, разжала пальцы и изрекла:

— Сия лошадь недостойна быть императорским скакуном и носить дарованное мною имя.

— Так точно, — спокойно и степенно ответила Шангуань Цайжэнь, словно не замечая испепеляющего взгляда Тяньхоу, и отступила на шаг.

Тяньхоу неспешной поступью вернулась к ложу, вновь возлегла на него, опершись на локоть, и кивнула Цайжэнь:

— Род Вэй проявил заслуги в защите принцессы. Отцу, Вэй Сюаньчжэню, пожаловать звание Чаосань Дафу младшего пятого ранга. Матери, из рода Цуй, повысить почётный титул на одну степень. Пожаловать сто отрезов шёлка. Вэй...

<http://bllate.org/book/16278/1466534>